

МОЙ СТАРШИЙ БРАТ

Старшего брата мне всегда ставили в пример. Он окончил школу с золотой медалью, без экзаменов поступил в горный институт и все сессии заканчивал только на пятерки.

Конечно, я завидовал брату. У него была интересная жизнь, учеба, экспедиции и главное – замечательные, веселые друзья.

К нам в гости часто наезжала шумная ватага студентов-геологов. Они все время смеялись. Взрывы хохота следовали один за другим. Набившись к брату в комнату, студенты хором распевали песни под гитару:

«То косы твои, то бантики,
То прядь золотых волос,
Витые на блузке кантики
И милый курносый нос».

Мать накрывала стол, а отец приносил из подвала квашеную капусту. Нарезанные дольками кочаны заправляли подсолнечным маслом и сахарным песком.

Ребята усаживались вокруг стола с шутками и смехом. Отец выставлял на середину запотевшую литровую бутылку самодельного плодово-ягодного вина, которое всегда встречалось бурными криками.

«Последняя!» – предупреждал отец.

Студентов это сообщение вовсе не расстраивало, они знали, что услышат эту фразу ещё раз три за вечер.

Старший брат принимал активное участие в моем воспитании. Кроме положительного личного примера у него в запасе был разнообразный арсенал педагогических приемов, состоящих почему-то в основном из наказаний. В широком ассортименте были представлены сушки, баранки, подзатыльники, сайки и пиявки. Простая пиявка ставилась таким образом: правая ладонь прижималась к голове «клиента», средний палец оттягивался левой рукой и отпускался. Удар пальцем по голове получался очень чувствительным. При двойной пиявке работали соответственно два пальца – указательный и средний. При пиявке с оттягом в момент удара палец протаскивался по голове. Сайка – это двойной удар в плечо сначала пальцами, а потом запястьем. Если добавлялся удар локтем, то это считалась тройная сайка, удар плечом – четверная. Когда согнутый указательный палец с силой ввинчивали мне в щеку, это называлась сушка, а если вместо пальца в щеку ввинчивался кулак, то это уже баранка.

Конечно, все эти наказания я всегда честно заслуживал. Утром, когда брат просыпался, то сразу же шарил рукой по тумбочке, отыскивая очки, надевал их и только после этого открывал глаза. Однажды я залепил стекла его очков черными бумажками и брательник заорал на всю квартиру, испугавшись, что ослеп. Когда вечером брат поймал меня в коридоре, то затащил в ванную комнату и наградил пятью тройными сайками.

Несколько дней брат корпел, вычерчивая сложную эюру по сопромату. Чтобы случайно не капнуть на чертёж, он держал пузырек с тушью на подоконнике и не ленился каждый раз ходить к окну наполнять рейсфедер. Когда он ушёл в институт, я вырезал из копировальной бумаги красивую черную кляксу, и положил её на середину чертежа. Около кляксы, очень естественно, смотрелась, пустая бутылочка из-под засохшей туши, лежащая на боку. Вернувшись из института, брательник ещё от дверей увидел на чертеже кляксу и банку с тушью, и ему стало нехорошо. Потрогав кляксу рукой, он понял, что его просто надули, и бросился меня искать.

Вечером он подловил меня в прихожей и вкрутил мне по баранке в каждую щеку. Я так орал, что брат схлопотал от отца увесистый подзатыльник.

Клякса из копировальной бумаги только издали похожа на пятно туши и вблизи сразу виден обман. Чтобы второй раз купить человека, надо постараться. Я вылил тушь на лист бумаги и, когда она засохла, ножницами вырезал кляксу нужного размера и положил её на чертёж.

В третий раз обмануть брата было совсем трудно. Все должно было выглядеть абсолютно натурально. На обработанной специальным составом поверхности стекла вылитая тушь засохла в виде натуральной кляксы, которую я потом осторожно снял ножом и перенес на чертеж. Клякса слегка приклеивалась к бумаге, так чтобы от прикосновения пальцев она не съехала в сторону. Не помню точно, сколько пиявок я тогда получил от брата, но и положительная оценка моих усилий тоже была.

«За сообразительность прощаю тебе одну пиявку», – смилостивился брательник, расплачиваясь со мной в коридоре.

Однажды брат собрался заменить электрическую лампочку у себя в комнате. Он взял лестницу, приказал мне держать в виде упора двумя руками это хлипкое сооружение, а сам надел резиновые галоши. Я слабо разбираюсь в электричестве, и брат охотно объяснил, что галоши служат изолятором и предохраняют от «удара» электрическим током.

«До чего же умный и предусмотрительный у меня брат, – с гордостью подумал я, крепко держа лестницу, – пора мне тоже братья за ум и начинать учиться!»

Брат залез на лестницу, вывернул лампочку и посмотрел ее на свет, нить накаливания была цела. Брат хмыкнул и заглянул в патрон. Ему показалось, что контакт внутри патрона, в который упирался цоколь лампочки, сильно вогнут, и он решил, зацепив ногтем, вернуть его назад. Раздался треск электрического разряда, крик, и я едва успел отскочить от падающего тела. Отдохнув пару минут на полу, брательник сел, внимательно осмотрел две черные точки сгоревшей кожи на пальце, сурово взглянул на меня и спросил:

– Ну, понял для чего надо надевать галоши?

– Понял, мог бы и не демонстрировать.

– Приблизься, отрок! – приказал брательник.

– Зачем? – я отлично понимал, что таким голосом зовут не для вручения подарков, а для экзекуции.

– За то, что оставил вверенный тебе пост и отпустил лестницу, получишь шесть двойных пиявок и распишешься в ведомости.

– Сам виноват, никто не просил тебя палец в патрон совать. А лестницу мне было просто не удержать.

– Ладно, уговорил, речистый, четыре пиявки, но с оттягом.

Мне было жалко брата, но и пиявки просто так получать не хотелось. Я решил убежать. Но брательник натренировался бросать в меня тяжелый войлочный тапок прямо с ноги, и так ловко, что почти всегда попадал мне между лопаток или в зад, когда я убегал. В тот раз ему не повезло, он метнул мне вслед галошу, но я увернулся и она, просвистев мимо уха, угодила прямо в лицо вошедшему отцу. Отец в ярости отлупил брательника тяжелой галошей. Я пожалел брата, подошел к нему в коридоре и сам предложил дать мне две простые пиявки.

Однажды к брату в гости пришел его школьный приятель Юрка Погромский – курсант военного училища, и они распили бутылку портвейна. Но этого им, вернее Юрке, показалось мало, а денег уже не было.

– У тебя же спирт был, – вспомнил Юрка.

– Кончился, – уныло ответил брательник, – весь истратил на работу.

– Не может быть, чтобы ничего не осталось, – в Юрке говорил отчаянный оптимист.

– Нет ничего, – подтвердил брательник, показывая пустую колбу и пытаясь изобразить сожаление по поводу отсутствия спиртного.

На самом деле от спиртного брату становилось очень плохо и однажды, вернувшись домой, после празднования дня геолога он целый час просидел в туалете, очищая желудок. Утром я слышал, как отец советовал брату в следующий раз сразу выливать спиртное в туалет и не мучить себя понапрасну.

– Не спеши, – остановил брата Юрка, – напрягись и вспомни. Ну!?

– Я же братьку в пузырек наливал, – брательник хлопнул себя по лбу.
– Эй, братёк! – позвал он меня, – Ну-ка, иди сюда и тащи спирт, который я тебе позавчера дал.

– Я же опыт ещё не закончил, – занял я, прекрасно понимая, что спирт сейчас отберут

– Ну! – выкрикнул Юрка. – Ты слышал, что тебе сказали? Если старший брат спросил, то надо успеть ответить!

Я достал пузырек и отдал студентам.

– Чистяк выпьем! – Юрка разлил спирт по рюмкам.

Брательник с отвращением смотрел на «огненную воду».

– Выпьем за хороших людей, – торжественно произнес Юрка, – за нас!

Ребята чокнулись, брательник поспешно выпил, крякнул и запил спирт водой. Юрка тоже выпил, крякнул, но когда поднес к губам стакан с водой, вдруг с недоумением спросил:

– А что это мы сейчас выпили?

– Трудно сказать наверняка, – брат языком облизывал губы, пытаясь определить вкус выпитого, – но если это был проявитель, то надо сразу выпить закрепитель, чтобы процесс завершился полностью.

– Так это же была просто вода! – догадался Юрка.

– Да, вода!

– А что же ты крякал?

– Положено, вот и крякал! – недовольно ответил брательник и ехидно спросил:

– А ты почему крякал?

– Я крякал?

– Да, ты!

– Я тоже сделал, как положено! А где этот гад, который нам воду подсунул? – возмутился Юрка, вспомнив про меня.

– Отрок! – крикнул брательник. – Ко мне!

– Баранку хочешь? – сходу предложил Юрка.

– Ешьте сами, – крикнул я, уворачиваясь от брошенного в меня тяжелого войлочного тапка.